

Как известно, поэтический дар Якова Петровича Овчаренко (14 декабря 1905, село Безгиново, Старобельский уезд, Харьковская губерния, Российская империя – 13 августа 1937, Москва, СССР), более знакомого любителем поэзии Серебряного века под литературным псевдонимом Иван Приблудный, первым разглядел начальник особого отдела 17-й кавалерийской дивизии Червоного казачества. Простые и искренние строки стихотворения «О, чернобровая Украина» пятнадцатилетнего подростка затронули сердце сурового чекиста:

*О, чернобровая Украина,
Мой край премудрый и простой,
Какая сказочная тайна –
Твой затуманенный простор...*

От особиста Иван получил рекомендательное письмо к секретарю Краснопресненского райкома партии и отправился в Москву. Там он в 1921 году был принят в московский интернат для одарённых детей, а год спустя, по приглашению прослушавшего его Валерия Брюсова, поступил в Высший литературно-художественный институт.

Осенью 1923 года произошла судьбоносная встреча Ивана Приблудного с поэтом Сергеем Есениным, который, с одной стороны, оказал юноше всемерную поддержку, как творческую, так и материальную, а с другой – в значительной мере повлиял на его творчество.

Проторённой тропой

В «Есенинский период» своего творчества поэт создал немало произведений, которые по тематике, да отчасти и по содержанию были очень похожи на стихи его учителя. Даже его самое первое известное стихотворение «О чернобровая Украина», которое Приблудный впервые прочёл широкой публике в 1923 году на литературном вечере в институте, перекликалось с есенинским «Всё! Теперь решено безвозвратно...» Сравните сами – у Приблудного:

*Покину кручи и байраки,
Покину хаты в рамках нив,
И кто-то будет долго плакать,
Косою очи заслонив...*

А у Сергея Александровича:

*Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля,
Уж не будут листвою крылатой,
Надо мною звенеть тополя...*

Не оттого ли Есенин почувствовал в Приблудном родственную душу и приблизил его к себе в дальнейшем? Впрочем, это и неудивительно, ведь оба поэта – выходцы из деревень, рано покинувшие отчий дом и торившие свой жизненный путь в городе. Этим и был очень дорог и понятен Есенину его новый товарищ и, опекая его, Сергей Александрович, пожалуй, любил его как младшего брата. Не обходилось, правда, и без некоторой снисходительности со стороны учителя, но Приблудного это тогда не задевало.

Избрав своим наставником Есенина, Иван в дальнейшем нередко старался подражать творчеству мэтра. Но возможно, что и тот присматривался к стихам Приблудного. И не исключено, что иногда они друг друга взаимно дополняли, разумеется, не равнозначным талантом, а скорее вечными темами. Один характерный пример: по воспоминаниям Натальи Зиновьевой (впоследствии Милоновой), подруги нашего героя, а затем его жены, осенью 1923 года Иван ча-

Иван Приблудный

стенкой читал ей своё стихотворение, посвящённое рано умершей матери, со строками:

*Молчаливая, родная мать моя!
Кров твой тихий, вспоминая, плачу я...
Неуверенный и бледный, всем чужой,
Я обижен, сын твой бедный, мальчик твой.
...И хочу к тебе родимой вновь прийти,
И бреду, бессильный, мимо... Приюти!
Хочет снова быть малюткой блудный сын.
Мама! Больно мне и страшно... Я один!*

А теперь давайте вспомним, что в 1924 году после восьмилетнего отсутствия на родине Сергей Есенин отправился в своё родное село Константиново (между прочим, захватив с собой и Приблудного), и после встречи с родными он привёз оттуда одно из самых своих ярких произведений – «Письмо матери»:

*Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.
...Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.*

Не правда ли очень перекликаются эти строки? Хотя по силе восприятия и таланту они, конечно же, несопоставимы.

Отдавая должное участию Есенина в его судьбе, Приблудный посвятил ему два своих стихотворения. В одном из них, датированном 1924 годом и немного недоработанном, были такие строки:

*Ты светлый и кроткий, не мучь и не трогай.
Ведь я даже скромным остаться не мог...
Бреду, спотыкаясь, тернистой дорогой,
А снилось так много, так много дорог.*

Другой стих – «Город кирпичный, грозный, огромный» с подписью «Любимому учителю моему Сергею Есенину» – получился у Ивана более проникновенным и трогательным:

*...В этих трущобах я рад тебя встретить,
Рад отдохнуть под зелёным крылом;*

*Мы ли теперь одиноки на свете!
Нам ли теперь вздыхать о былом!*

*Тесно тебе под железною крышей,
Жутко и мне у железных перил;
– Так запевай же! Ты ростом повыше,
Раньше расцвёл здесь и больше жил.*

А далее автор обещал: «...Окрепну – и песней поспорю с тобой», что говорит о том, что роль ученика уже переставала его устраивать, хотя бы в творчестве. Видя перед собой замечательный пример человека, сделавшего самого себя, – популярного и гениального поэта Сергея Есенина, наверняка, Приблудный задавал себе вопрос: «А почему я не смогу, так как он?». И работал над тем, чтобы потихоньку выходить из тени великого мастера.

Без маэстро

Со смертью Сергея Александровича Иван остался без своего единственного наставника и друга. В первую очередь это сказало-сь на его материальном положении. И автор грустно шутил по этому поводу:

*...У меня же, как ни странно,
Нет ни улицы, ни дома,
Где бы жил я постоянно.*

*Шатко по миру скитаюсь,
Не прописанный, кочую,
У друзей млекопитаюсь,
У приятелей ночью.*

Определённую жизненную устойчивость могла бы дать ему женитьба, тем более, что отношения с Натальей Зиновьевой он продолжал. Однако, долго не решаясь сделать ей предложение, он «аргументировал» это так:

*Я жениться никогда не стану,
Этой петли я не затяну,
Потому что мне не по карману
Прокормить любимую жену...*

И всё-таки чувства к самому близкому человеку, оставшемуся с ним после смерти Есенина, взяли верх, и в 1926 году Приблудный женится. Человек для семейной жизни он был мало подхо-

дядий, поэтому семейный бюджет и воспитание сына легли на плечи супруги.

А Иван всё искал себя в творчестве. Порывистый и бесстрашный, а ещё отчаявшийся от того, что его и после смерти учителя воспринимали лишь как блеклую тень гения, Приблудный стал позволять себе вещи, крайне опасные для того беспокойного времени. Кто-то реагировал снисходительно, например, народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский, когда Иван на литературном вечере в Политехническом музее прочитал ему буквально в лицо:

*...В этом доме здравствует нарком,
У него в квартире тишь да гладь,
Но в нетрезвом виде я о нём
Не имею право рассуждать.
Добродушен, благостен и мил,
Возлюбя культуры нашей суть,
Он меня в печати не хвалил,
Но ещё похвалит как-нибудь!*

А кто-то уже тогда, в конце 1920-х годов брал Ивана на заметку после таких строк, как эти:

*Предки лгали, деды ввали,
Я ль в наследстве виноват...
Дело было в Монреале
Года три тому назад.
...Потому что, где ни глянь ты,
Кроме разве наших мест –
И «гуд-баи» и «ол-райты» –
Я уверен – всюду есть...*

Поэт зачитал эти строки в 1928 году на 30-летию Художественного театра, и зал аплодировал ему. А вот после выступления в кулуарах ему дали понять, что он увлекается...

Приблудного склонили к сотрудничеству с ОГПУ в качестве осведомителя, однако он ни на кого не доносил. Тогда ему стали создавать проблемы с публикацией творчества, чему опять же «помогала» его слава есенинского ученика и последователя. Денег, которых постоянно не хватало в семье, стало ещё меньше. В 1929 году Наталья не выдержала, и супруги разошлись.

Раздражение печальной действительностью выплёскивается в творчестве поэта. Например, в стихотворении «Московское

утро» автор срывает своё настроение на «социалистической реконструкции столицы»:

*В переулках, что вливаются в Арбат,
Целый месяц мостовую теребят;
Поразрыты искорёжены пути,
Переулком ни проехать, ни пройти.*

А ещё в дальнейшем Иван иногда продолжал обращаться к аллегориям, которые уже успешно прошли испытание публикой в творчестве Есенина. Так было, например, уже после смерти Сергея Александровича, в произведении Приблудного «Последний извозчик»:

*В трущобинах Марьиной рощи,
Под крик петуха да совы,
Живёт он, последний извозчик
Усопшей купчихи Москвы.
... С рассветом с постели вставая,
Тревожа полночную тьму,
Он к тяжкому игу трамвая
Привык и прощает ему.
Но всё же он чувствует: скоро,
Прорезав полночную тьму,
Династия таксомотора
Могильщиком будет ему.*

Поклонники Есенина могли бы здесь без труда узнать мотивы фрагмента «Жеребёнок и поезд» из поэмы «Сорокоуст»:

*Видели ли вы, как бежит по степям,
В туманах озёрных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунный поезд?
А за ним по большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребёнок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?..*

И это несмотря на то, что в то время шла борьба в творческих кругах с упадничеством, как называли тогда творчество Сергея

Александровича. Образно говоря, подхватив его знамя, Приблудный и так очень сильно рисковал.

Впрочем, в своём сборнике «С добрым утром» можно найти стихотворения, которые были более идеологически выдержаны, чем другие его работы. Вот, например, строки из произведения, которое Иван посвятил сыну:

*Так звени ж, волнуйся и расти,
Год за годом, как строка за строчкой!
И ни многоточием, ни точкой
Не задерживайся на пути!*

Вполне в духе времени. А шуточное стихотворение «Про бороду» стало песней под названием «Борода» в репертуаре популярного дуэта Леонида и Эдит Утесовых:

*...А у деда борода –
Как отсюда вон туда...
И оттуда через сюда,
И обратно вот сюда!*

Вот только «подпорченную» репутацию неудобного поэта это спасти уже не могло – его не печатали. Более того, на него обрушились с критикой его творчества, обвиняя в «мелкой буржуазности». И, возможно, будучи в отчаянии, он решился на отчаянный шаг. Речь идет об эпиграмме на наркома Клима Ворошилова:

*Эх, Клим, пустая голова,
Навозом до верху навалена,
Уж лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина.*

Я пишу «возможно» потому, что по сведениям Натальи Зиновьевой-Приблудной, это четверостишие могло принадлежать перу не её бывшего мужа, а другого поэта – Демьяна Бедного. Кстати, в начале 30-х годов тот попал в опалу и вполне мог создать нечто подобное. Но крайним сделали Приблудного, арестовали и, продержав три месяца в Бутырской тюрьме, отправили в ссылку в Астрахань. Помимо эпиграммы этому способствовало рассекречивание Иваном себя как агента ОГПУ.

Пробыв в ссылке вместо двух лет три года, поэт сочинил целый цикл под названием «Астрахань». Здесь уже были вполне себе пролетарские произведения, которые должны были свидетельствовать о том, что автор «перевоспитался».

*Вижу: девушки и ребята
Мчат по насыпи – по прямой.
Не с консервного ль комбината
Третья смена спешит домой?
И над всем этим пёстрым шумом
Бодрых праздников и забот,
Будто вахтенный над Кутумом,
Возвышается Райкомвод.*

Да, тут от прежнего Приблудного мало что осталось. Но, положив руку на сердце, давайте признаемся, все ли мы смогли бы проявить принципиальность, оказавшись на его месте? Иван же немного сдавал позиции в творчестве, но не менялся сам.

И его враги это знали...

Смерть поэта

Он вернулся в Москву в 1935 году. Приняла его бывшая жена, так как податься ему было некуда. Впоследствии эта доброта будет стоить ей свободы.

В Союз писателей его не приняли, а кое-кто предлагал бросить писать стихи и стать рабочим. Иван написал покаянное письмо сталинскому сподвижнику Л. Кагановичу, с просьбой о помощи, где впервые указал то, что от него давно требовали: «...Попал под влияние Есенина. Испортился». Однако никакой грязи на учителя лить не стал, и послание успеха не имело. Единственным, кто поддержал Ивана в то время, оказался Николай Бухарин, сам в то время уже опальный партийный функционер. Помощь эта очень скоро аукнулась Приблудному...

В 1937 году его арестовали за «активное участие в антисоветской террористической организации поэтов». Вместе с ним были арестованы поэты В. Наседкин, П. Васильев, И. Макаров и сын Сергея Есенина – Юрий. Приблудный держался с достоинством, никаких показаний ни на кого не дал. Последней его поэтической строкой стала надпись на стене камеры:

Клычков, Приблудный, Есенин

13 августа 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорён к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В 1956 году Ивана Приблудного реабилитировали «за отсутствием состава преступления», в 1985 году посмертно приняли в Союз писателей СССР. В родном селе поэта Безгиново и районном центре Новоайдар ему установили памятники.

Почему Приблудный?

Несколько слов о причине, по которой я выбрал героем моего материала именно этого поэта.

Дело в том, что с творчеством Приблудного и его биографией долгие годы я был практически незнаком. Его образ в воплощении актёра Александра Робака довелось увидеть в телесериале «Есенин». В рамках режиссёрской задачи артист сыграл эдакого добродушного увальня, который был практически тенью Сергея Александровича, не слишком-то и защищал его и являлся не последователем, а скорее нахлебником. Мы даже ни одного «приблудного» стихотворения не услышали от ученика маэстро, который, между прочим, при жизни называл Ивана: «Замечательная стерва и талантливый поэт, очень хороший...»

Понятное дело, авторы сериала «Есенин» преследовали несколько иную цель, чем знакомить зрителей с творчеством всех поэтов Серебряного века вообще и Приблудного, в частности. И всё же мне стало очень жаль того, что человека, который до конца был предан своему учителю и даже в какой-то мере смерть принял потому, что не отказался от его наследия, в картине вывели не творческой личностью, а скорее – маргинальной.

Я думаю, Иван Приблудный был очень одиноким, отчаянным и не очень приспособленным к тому, чтобы вращаться в кругах литературной богемы, «держат нос по ветру» и улавливать конъюнктуру. Он писал стихи по вдохновению, а не по соцзаказу. В этом была его беда как современника непростых лет периода репрессий. Но это же и обессмертило его творчество в глазах нашего поколения, потому что писал поэт о жизни своей и страны, где он жил. И делал это Иван Приблудный, несмотря ни на что, искренне и честно.